

Ложный экологический конфликт: понятие и виды

False environmental conflicts: concept and types

DOI: 10.12737/2587-6295-2025-9-2-97-110

УДК: 32 + 316.48

Получено: 25.04.2025

Одобрено: 10.05.2025

Опубликовано: 25.06.2025

Абрамова М.Г.

Канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры государственной политики факультета политологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», г. Москва
e-mail: abramova-m@mail.ru

Abramova M.G.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow
e-mail: abramova-m@mail.ru

Васичкина Е.Д.

Бакалавр факультета политологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», г. Москва
e-mail: katena.vasichkina@mail.ru

Vasichkina E.D.

Bachelor of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow
e-mail: katena.vasichkina@mail.ru

Аннотация

Целью данной статьи является формирование комплексного представления о феномене ложного экологического конфликта. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: выявить основные отличительные признаки ложных экологических конфликтов и на этой базе составить авторское определение ложного экологического конфликта; определить основные подходы к классификации этих конфликтов и выделить их виды. Особое внимание уделяется особенностям современной коммуникации – цифровизации, медиатизации, использовании генеративного контента – и их роли в формировании предпосылок возникновения и эскалации ложного экологического конфликта. Ключевыми методами исследования выступают теоретический анализ и синтез, вспомогательным стал метод «case study», или метод конкретных ситуаций, а также метод классификации. Источниковую базу исследования составляют работы социологов, придерживающихся конфликтологического подхода, а также работы ведущих российских экспертов-конфликтологов и материалы СМИ. В результате исследования было сформулировано определение ложного экологического конфликта и выделены его признаки: помимо того, что окружающая среда не является его объектом, ему присущи неконструктивный характер, склонность одной из сторон к радикальным решениям, участие заинтересованных третьих лиц и высокий уровень политизированности. Кроме того, в работе представлены основы авторской классификации ложных экологических конфликтов по причинам их возникновения, среди которых гносеологические трудности, недостатки коммуникации, распространение фейковой информации, использование экологических аргументов в политических и экономических целях. Теоретическая и практическая значимость исследования тесно связаны друг с другом: предлагая определение ложного экологического конфликта, перечень его обязательных и косвенных признаков, исследование вносит вклад в формирование теоретической основы для

дальнейшей разработки технологий распознавания ложных экологических конфликтов и эффективных стратегий управления данными конфликтами.

Ключевые слова: ложный экологический конфликт, экологический протест, медиатизация, цифровизация, политизация экологической повестки.

Abstract

The purpose of this article is to form a comprehensive understanding of the phenomenon of false environmental conflict. To achieve the goal, the following tasks were set: to identify the main distinguishing features of false environmental conflicts and, based on this, to compile an author's definition of a false environmental conflict; to identify the main approaches to classifying these conflicts and identify their types. Special attention is paid to the peculiarities of modern communication – digitalization, media development trend, the use of generative content – and their role in shaping the prerequisites for the emergence and escalation of false environmental conflict. The key research methods are theoretical analysis and synthesis, the auxiliary method is case study, or the method of specific situations, as well as the classification method. The research's source base consists of the work of sociologists who adhere to a conflictological approach, as well as the work of leading Russian conflict experts and media materials. As a result of the research, the definition of a false environmental conflict was formulated and its signs were highlighted: in addition to the fact that the environment is not its object, it is characterized by an unconstructive nature, the propensity of one of the parties to radical solutions, the participation of interested third parties and a high level of politicization. In addition, the paper presents the basics of the author's classification of false environmental conflicts by their causes, including epistemological difficulties, communication deficiencies, the dissemination of fake information, and the use of environmental arguments for political and economic purposes. The theoretical and practical significance of the study are closely related to each other: by offering a definition of a false environmental conflict, a list of its mandatory and indirect signs, the study contributes to the formation of a theoretical basis for the further development of technologies for recognizing false environmental conflicts and effective strategies for managing these conflicts.

Keywords: false environmental conflict, environmental protest, media development trend, digitalization, politicization of the environmental agenda.

Введение

Экологические конфликты по праву считаются одними из наиболее трудных для урегулирования в силу их комплексного характера, зависимости от природных условий и вовлеченности большого числа заинтересованных лиц [2, с. 78-79]. Эпоха цифровизации и медиатизации еще более усложнила этот процесс, сделав актуальной проблему ложных экологических конфликтов, протекающих в сфере природоохранной деятельности, природопользования и обеспечения экологической безопасности и не имеющих под собой объективных оснований.

Ограниченный когнитивный ресурс человека и специальные системы распознавания, сформировавшиеся у него в процессе эволюции, в условиях огромного информационного потока и отсутствия эффективных способов противодействия фейкам в Сети делают человеческое бессознательное более восприимчивым к информации об экологических угрозах. Человеком в таком состоянии становится возможным манипулировать, побуждая его к определенным действиям, зачастую деструктивным, причем для достижения подобного эффекта совсем необязательно, чтобы информация об опасности была подлинной. Таков механизм возникновения ложных экологических конфликтов в эпоху постправды¹.

Данная проблема имеет также международное измерение. С точки зрения классического политического реализма и неореализма, конфликт, связанный с защитой национальных интересов, остается главной формой взаимодействия государств на международной арене

¹ Кошкарлова Н.Н., Руженцева Н.Б. На пути к правде, ведущем ко лжи: феномен постправды в современной политической коммуникации // Политическая лингвистика. - 2019. - №1. - С. 50-56.

[10, с. 110-111]. Хотя уже с 1980-х гг. противостояние государств приобретает новые формы, для выражения которых появились термины «прокси-война», «гибридная война», «информационная война» и др. Кроме того, с началом трансформации миропорядка в 2022 г. и повышением роли незападных центров силы обострилась борьба Запада за сохранение своего лидирующего положения в мире.

В связи с вышесказанным многие российские экологические протесты и деятельность международных экологических организаций все чаще рассматриваются экспертами как часть стратегии западных стран по противодействию России в защите ее национальных интересов, в частности, в освоении Арктики и реализации крупных промышленных проектов, усилению санкционного давления на Россию и обеспечению ее экономической изоляции [1, 5, 11]. Эти факторы переводят вопрос ложной экологической конфликтности в плоскость обеспечения национальной безопасности.

Таким образом, обращение к обозначенной проблематике особенно актуально в рамках современной российской реальности, поскольку позволяет понять причины, цели, формы, отличительные признаки ложных экологических конфликтов, что имеет практическую значимость для их выявления и разработки эффективных стратегий их урегулирования.

Обзор научной литературы

Феномен ложного экологического конфликта пока только начинает получать научное осмысление, поэтому представляется необходимым обратиться к существующим не сегодняшний день основным концепциям и идеям, затрагивающим тематику ложных конфликтов в целом.

Проблема конфликта, не имеющего в своей основе объективных противоречий, поднимается в работах Л. Козера, классика конфликтологического подхода к изучению социума. Он вводит понятие нереалистического конфликта, под которым понимает «замещающий» конфликт, который служит «отводу враждебных и агрессивных эмоций» и помогает «сохранить систему, предупреждая возможный конфликт или сводя к минимуму его разрушительные последствия» [8, с. 14].

Особый вклад в концептуализацию понятия «ложный конфликт» внес американский психолог и конфликтолог М. Дойч. В рамках его теории конкуренции и кооперации была разработана классификация конфликтов по такому критерию, как «отношение между объективным состоянием дел и состоянием дел, как оно воспринимается конфликтующими сторонами» [18, с. 24]. Дойчем было выделено шесть типов ключевых конфликтов, среди которых и ложный конфликт, т.е. конфликт, существующий лишь в силу ошибок понимания и восприятия, не имеющий объективных оснований.

Американский конфликтолог Д. Борисофф, рассматривая конфликты через призму кросс-культурного взаимодействия, использует синонимичное ложному конфликту понятие – «псевдоконфликт» – и понимает под ним ситуацию, в которой существуют мнимые несовместимые заботы сторон, вызванные культурными различиями в процессе информирования и коммуникации между людьми [16, с. 120].

Подход российского конфликтолога А.К. Зайцева акцентирует внимание на интересах участников конфликтов, которые являются «концентрированным выражением потребностей группы» [6, с. 122] и системообразующим элементом конфликта. Однако, интерес может основываться на «искаженном понимании группой своего положения в социальном конфликте», «переоценке имеющихся сил» или вовсе быть навязанным извне, что наделяет их значительным потенциалом ложной конфликтности [6, с. 123].

Отдельно стоит рассмотреть существующие в науке подходы к определению экологического конфликта.

Российский политолог А.Л. Демчук экологический конфликт рассматривает как «взаимодействие двух и более сторон, считающих, что их цели в отношении изменения или сохранения состояния окружающей природной среды (систем поддержания жизни – экосистем) несовместимы» [2, с. 75]. Российский специалист по экологической

конфликтологии и правовед О.Л. Дубовик полагает, что эколого-правовой конфликт – это «противостояние двух и более сторон, при котором они стремятся изменить ситуацию в сфере использования природных ресурсов и оказания воздействия на окружающую среду, ее компоненты и объекты в своих личных, либо общественных (публичных) интересах, прибегая при этом как к законным мерам и способам, так и противоправным действиям (бездействию)» [3, с. 59]. Американские учёные Дж. Блэкберн и У. Брюс под экологическим конфликтом понимают ситуацию, «когда одна или более сторон, вовлеченных в процесс принятия решений, не согласны с действиями, потенциально способными оказать воздействие на состояние окружающей среды» [19, с. 105]. Х. Берджесс и Г. Берджесс трактуют экологический конфликт в качестве «долговременных расхождений между группами, имеющими разные взгляды относительно надлежащего взаимодействия общества с природной средой» [17, с. 102].

Охарактеризуем существующие в научно-исследовательской литературе подходы к пониманию ложных экологических конфликтов.

Дубовик О.Л. вводит понятие псевдоэкологического конфликта, определяя его как «заведомо фальсифицированное, искусственное использование экологических аргументов для достижения политических, экономических либо иных целей, например, захвата политической власти, приобретения права распоряжаться экономически значимыми природными ресурсами, дискредитации политических противников и т.п.» [3, с. 83]. В определении четко отражен фактор реализации субъективных интересов, лежащий в основе ложного экологического конфликта.

Такой подход исключает из категории ложных экологических конфликтов ситуации, когда экологический конфликт начался в силу случайных факторов – например, коммуникативных ошибок, неправильной интерпретации действий или намерений противоположной стороны, непреднамеренного распространения ложной информации о состоянии окружающей среды.

Другой подход предлагает российский биолог и эколог А.Л. Суздалева. Она использует понятие «ложный социально-экологический конфликт» и определяет его как «экологический конфликт, не имеющий объективных оснований». При этом А.Л. Суздалева выделяет два типа ложных социально-экологических конфликтов. Если его причиной являются необоснованные конфликтогены (например, «спонтанно распространяющиеся беспочвенные слухи об угрозе для здоровья деятельности какого-то производственного предприятия или продукции массового потребления»), то такая ситуация называется стихийным ложным социально-экологическим конфликтом. Если он возникает в силу целенаправленной дезинформации населения, то эксперт относит его к спровоцированным социально-экологическим конфликтам [14, с. 278].

Отдельно стоит отметить исследования, которые непосредственно не посвящены ложным экологическим конфликтам, но, раскрывая отдельные аспекты ложной экологической конфликтности, в совокупности помогают составить целостное представление об этом феномене. Среди них особый интерес вызывают работы, в которых экологический конфликт рассматривается как одно из средств политической борьбы.

Так, например, Шатилов А.Б. в своей статье, посвященной деструктивным и экстремистским аспектам деятельности экологических организаций, акцентирует внимание на таких ее чертах, как «латентная политическая ангажированность», связь с зарубежными источниками финансирования, распространение нездорового «экологического алармизма» и игнорирование интересов местного населения. Наличие этих факторов подвергает сомнению истинность предмета конфликта [15, с. 71-72].

Российский политолог, Ежов Д.А. рассматривает в своих работах экологические протесты (частный случай экологического конфликта) как разновидность политической технологии, направленной на дестабилизацию общественно-политической ситуации в российских регионах [4]. В том же ключе рассуждают политологи Жаров М.В., Михеев С.А., Рябов И.А. [5], Гафуров С.З. и Митина Д.А. [1].

Методы

Основными методами исследования были избраны теоретический анализ и синтез. Применение анализа позволило нам выделить базовые семантические элементы определений ложного конфликта и экологического конфликта, а также существующих определений схожих понятий (псевдоэкологический конфликт, ложный социально-экологический конфликт), а затем, на основе синтеза, – сформулировать определение ложного экологического конфликта. Вспомогательным методом стал метод case study, который позволил соотнести теоретические положения нашего исследования с актуальной социально-политической реальностью и выделить из конкретных ситуаций основные обязательные и косвенные признаки ложных экологических конфликтов.

Также использовались сравнительный метод (при характеристике конкретных конфликтов), формально-логический метод (при характеристике нормативно-правовых актов и публикаций в СМИ) и метод системного комплексного анализа, позволивший получить дополнительные результаты на основе междисциплинарного подхода к проблематике конфликтности как особого социального явления.

Результаты анализа

На основе анализа указанных источников было сформулировано авторское определение ложного экологического конфликта. В данном исследовании ложный экологический конфликт понимается как особая ситуация в сфере природоохранной деятельности, природопользования и обеспечения экологической безопасности, ошибочно воспринимаемая как конфликтная в силу случайных факторов (когнитивных искажений, коммуникативных ошибок и т.п.) или использования заведомо фальсифицированных экологических аргументов в корыстных целях. Далее будут рассмотрены основные специфические характеристики ложных экологических конфликтов и определены основы их классификации по причинам возникновения

Специфические характеристики ложного экологического конфликта

Важнейшая характеристика ложного экологического конфликта заключается в том, что окружающая среда не является его объектом. Исходя из этого, О.Л. Дубовик выделяет два критерия реальности экологического конфликта. Во-первых, это степень противостояния сторон в решении вопроса о судьбе природных объектов. В реальном экологическом конфликте степень противостояния обычно высокая, т.к. экологическая проблема непосредственно связана с жизнью и здоровьем людей. Во-вторых, ключевые цели участников конфликта напрямую связаны с эффективной охраной природной среды и её рациональным использованием. Тогда как в ложном конфликте действия его участников могут даже противоречить интересам окружающей среды [3, с. 79].

Другая особенность ложного экологического конфликта – сложность определения реальности его объекта. Препятствием к осознанию экологических конфликтов (особенно планетарного масштаба) может являться недостаточный уровень изученности некоторых аспектов окружающей среды, связанный с ограниченностью методов и технологий исследования. Также важен темпоральный фактор: вполне вероятно, что некоторые последствия антропогенного влияния на природу еще не проявили себя, а та или иная экологическая проблема вовсе вызвана другими факторами.

Например, об этом нередко говорят ученые в контексте дискуссии о масштабах глобального потепления и степени его зависимости от антропогенной деятельности².

² Подобная точка зрения излагается, в частности, в следующих работах: Кондратьев К.Я. Изменения глобального климата: нерешенные проблемы // Метеорология и гидрология. - 2004. - № 6. - С.118-127; Сывороткин В.Л. Дегазационная концепция глобальных катастроф // Биосферная совместимость: человек, регион, технологии. - 2024. - № 4. - С. 2–11. DOI: 10.22227/2311-1518.2024.4.2-11; Lobkovsky L. I., Baranov A.A., Ramazanov M. M., Vladimirova I. S., Gabsatov Y.V., Semiletov I. P., & Alekseev D.A. (2022). Trigger Mechanisms of Gas Hydrate Decomposition, Methane Emissions, and Glacier Breakups in Polar Regions as a Result of Tectonic Wave Deformation. // *Geosciences*. – 2022. – № 12 (10). – P. 372. DOI: <https://doi.org/10.3390/geosciences12100372>

Следующий признак экологического конфликта – его неконструктивный или деструктивный характер. Вопреки обыденному пониманию, любой конфликт несёт в себе и ряд позитивных функций: «способствует предотвращению стагнации», «*может* служить источником новаций, развития (появление новых целей, норм, ценностей и т.п.)», «играет познавательную роль, роль практической проверки и коррекции имеющихся у сторон образов ситуации», «способствует стабилизации группы», «сплачивает группу перед лицом внешней опасности» [12].

Однако все эти характеристики относятся к реальному конфликту. Поэтому, говоря о реальном экологическом конфликте, мы можем четко выделить в нем конструктивную сторону: он служит позитивным каналом политических коммуникаций, стимулируя общественность привлекать внимание властей к проблемам окружающей среды, а власть – принимать стратегически верные решения в рамках экологической политики, бизнес – искать более безопасные и экологичные варианты производства в сотрудничестве с научным сообществом.

Ложный экологический конфликт не только не несет в себе указанных позитивных функций, но и ухудшает отношения сторон, их психологическое состояние, наносит ущерб их репутации, приводит к социальной и политической дестабилизации. В качестве примера такой ситуации можно привести скандальную акцию, проведенную активистами «Гринпис»^{*3} в Канберре в 2011 г. С разрешения правительства фермеры и биотехнологи организовали пробное производство генетически модифицированной пшеницы вдали от органических сельскохозяйственных культур и водных объектов. Исследование не несло вреда для окружающей среды и было чрезвычайно важно как для потенциального решения продовольственной проблемы, так и для борьбы с климатическими изменениями.

Тем не менее, группа активистов «Гринпис»^{*4} прорвалась на участок и уничтожила ростки пшеницы. Правительство, ученые и фермеры заявили о том, что это был не просто неприемлемый для природоохранной организации поступок, но и акт вандализма против науки⁵. Подобные акции не просто не стимулируют изменения в экологической политике государств, но и создают негативный имидж природоохранных организаций в массовом сознании и распространяют скептицизм по отношению к вовлеченности в экологическую проблематику в целом.

Далее мы определим несколько косвенных, но широко распространенных признаков ложного экологического конфликта, выделяемых разными авторами.

Во-первых, это склонность одной из сторон к радикальным решениям и нежелание идти на компромисс. В своем аналитическом докладе российские политологи С.А. Михеев, М.В. Жаров, И.А. Рябов приходят к выводу, что в ложных экологических конфликтах, за которыми стоят политические и экономические интересы третьих сторон, «экологи» выдвигают радикальные требования, которые «обычно сводятся к двум отрицательным формулам – или «ликвидировать», или «не строить», при этом «варианты конструктивного компромисса чаще всего отрицаются с порога и выдаются за желание властей «обмануть народ», а «в отдельных случаях обсуждаются заведомо неприемлемые, но формально компромиссные варианты» [5, с. 48-49].

Так, цель участников любого реального экологического конфликта – найти баланс между экономическим благополучием населения и экологической безопасностью, найти для общества способы существовать в гармонии с природой. Напротив, как отмечает политолог А.Л. Демчук, участники некоторых конфликтов «не обязательно заинтересованы в сотрудничестве и урегулировании конфликта, у них могут быть свои скрытые интересы» [2, с. 104]. Одновременно с этим игнорируются интересы граждан: потребность населения

³ Гринпис* - организация, признанная нежелательной на территории РФ.

⁴ Гринпис* - организация, признанная нежелательной на территории РФ.

⁵ Greenpeace attacks Canberra GM wheat crop // The Sydney Morning Herald. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.smh.com.au/national/greenpeace-attacks-canberra-gm-wheat-crop-20110714-1hflf.html> (дата обращения: 25.11.2024).

в рабочих местах, в обеспечении промышленными товарами и энергией т.п. По мнению авторов доклада, если сторона «экологов» выдвигает настолько радикальные требования, вероятно, за экологическим протестом стоят другие цели – например, «препятствовать экономическому росту» России и «дестабилизировать внутривнутриполитическую обстановку с целью смены власти» [5, с. 49].

Во-вторых, это участие заинтересованных третьих лиц. Цели, преследуемые одной из сторон конфликта, не всегда формулируются ею самостоятельно: они могут быть навязаны третьей стороной, и субъекты конфликта в этом случае будут лишь своеобразными прокси, т.е. опосредованными участниками конфликта. В этом контексте российский юрист-международник и статс-секретарь «Экологической палаты России» Петров В.О. приводит в качестве примера конфликт Российской Федерации, международных экологических организаций, протестующих против реализации российских инфраструктурных проектов (субъектов конфликта) и западных стран (косвенных участников), который разворачивается в последние годы. Он акцентирует внимание на следующих особенностях деятельности этих организаций: преимущественно внешние источники финансирования, нарушение норм российского законодательства и требований безопасности (в частности, при атаке на нефтяную платформу «Приразломная» в 2013 г.).

В связи с этим подобные протесты рассматриваются Петровым В.О. не как природоохранная деятельность, а как часть реализации западными странами антироссийской стратегии конкуренции в Арктическом регионе, который богат полезными ископаемыми и представляет важные военно-стратегические преимущества для стран, имеющих к нему доступ [11, с. 129-131]. Таким образом, эту ситуацию можно определить как ложный экологический конфликт, в основе которого лежат политические мотивы западных стран, желание ослабить военную и экономическую мощь России.

В-третьих, это высокий уровень политизированности экологических акций. С одной стороны, состояние окружающей среды во многом напрямую зависит от деятельности государственных институтов, разрабатывающих и реализующих экологическую политику, поэтому в рамках экологических конфликтов зачастую выдвигаются вполне закономерные требования к органам власти по изменению проводимой политики. Однако, в упомянутом ранее исследовании российских политологов С.А. Михеева, И.А. Рябова, М.В. Жарова справедливо утверждается, что «одним из самых простых способов мобилизации среднего обывателя на протесты является обращение к проблемам угрозы его жизни и здоровью. В этом случае быстрее всего ломается барьер критического осмысления информации, и ситуация переводится в плоскость обостренного эмоционального восприятия любой проблемы. После этого легко подключается политическая составляющая, переводящая протест в русло выступлений против существующих порядков, законов, проектов и, в конечном счёте, против действующей власти» [5, с. 48].

Более радикальный взгляд предлагает российский политолог Д.А. Ежов, который считает, что «экологический протест имеет сугубо технологическую природу» [4, с. 35]. Он делит технологии организации экологического протеста в России на три группы: влияние «мягкой силы» государств-оппонентов России в геополитической и конкурентной борьбе; интеграция протестной по характеру экологической повестки в политическую и предвыборную борьбу; неконвенциональные и нелегальные методы [4, с. 35-36].

Классификация ложных экологических конфликтов

Ложный экологический конфликт, возникший в связи с распространением фейковой информации. В эпоху постправды, для которой характерны ускорение передачи информации с помощью социальных медиа, отсутствие жесткого контроля за качеством публикаций и раздробленность источников новостей, люди не справляются с увеличивающимся информационным потоком и готовы принимать на веру сомнительные факты, мимикрирующие под истину, особенно если они сопряжены с угрозой для жизни и здоровья. Так, например, по данным российского фактчекинг-ресурса «Лапша Медиа», в 2023 г.

сведения об экологических кризисах разного масштаба составляют 15% всех фейковых новостей, уступая по популярности только новостям антинаучного и конспирологического характера (17%) и информации о нахождении диких животных в пределах обитания людей (16%)⁶. Стоит отметить, что значительную роль в возникновении конфликтов такого типа играет эффект авторитета.

Так, например, весной 2022 г. в ряде интернет-сообществ регионов Центрального федерального округа появились новостные посты о заражении источников воды холерой, причем в текстах и голосовых сообщениях нередко использовались названия государственных органов и фамилии людей, занимающих в них высокие должности. Подобная форма изложения повышает авторитетность источника новости, внушает доверие читателя к нему, а значит, в дальнейшем эта информация воспринимается как истинная и быстрее распространяется в медиапространстве.

Наконец, еще один фактор возникновения таких конфликтов – высокий уровень качества генеративного контента. С развитием искусственного интеллекта распространилось такое явление, как дипфейки – поддельные видео, изображения, голосовые сообщения, которые зачастую неотличимы от оригинала. В 2024 г. в местных сообществах Крыма в социальных сетях распространилось видеообращение Олега Крючкова, советника главы Республики Крым, в котором он предупреждает о вспышке холеры в регионе. Позже выяснилось, что видеообращение – дипфейк, сгенерированный искусственным интеллектом на основе видео 2022 г. с участием Крючкова. Информация о вспышке холеры была опровергнута самим Крючковым⁷ в официальном Telegram-канале и фактчекинговым ресурсом «Лапша Медиа»⁸.

В подобных ситуациях люди могут чувствовать себя незащищенными, обманутыми и даже брошенными государством в случае чрезвычайной опасности, а своевременно предпринятые действия не позволяют конфликту между государством и гражданским обществом перейти в открытую стадию.

Ложный экологический конфликт, возникший в связи с недостатками коммуникации. Рассмотрим особенности подобных ситуаций на примере конфликта, развернувшегося между местными жителями и муниципальными властями в 2017-2018 гг. в Тереньгульском районе Ульяновской области в связи со строительством китайского цементного завода.

Представители региональных властей выступали с заявлениями, что «предмета протеста нет», поскольку площадка для строительства еще не выбрана, а завод будет построен в соответствии со всеми нормами экологической безопасности. Однако, можно сделать вывод, что подобные заявления были сделаны несвоевременно: конфликт успел перейти в стадию эскалации, активисты уже собирали подписи против строительства завода, проводили одиночные пикеты, митинги и даже голодовку в палаточном лагере⁹. С большой долей вероятности это произошло из-за дефицита коммуникации между государством, бизнесом и гражданским обществом.

В ситуации, когда государство не может эффективно отслеживать негативные тенденции в изменении общественных настроений и своевременно нейтрализовать их (например, опровергнуть неофициальную ложную информацию и канализировать внимание местных жителей на другие, более значимые проблемы), в информационном пространстве образуется вакуум, который заполняется эмоционально окрашенной неподтвержденной информацией.

Важно отметить, что вскоре ряд региональных интернет-СМИ опубликовал информацию о поездке делегации представителей Ульяновской области в Китай и

⁶ Врут и не зеленеют: Фейки об экологии чаще всего связаны с конспирологией // Российская газета. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2024/05/12/vrut-i-ne-zeleneiut-fejki-ob-ekologii-chashche-vsego-sviazany-s-konspirologiej.html?ysclid=m5uv66mcw2124378140> (дата обращения: 13.01.2025).

⁷ Крючков Z. Telegram. [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/kryuchkovoleg/743> (дата обращения: 25.05.2025)

⁸ В Крыму сообщили о вспышке холеры // Лапша медиа. [Электронный ресурс]. URL: <https://lapsha.media/feiky/v-krymu-zafiksirovali-vspyshku-holery/> (дата обращения: 12.01.2025).

⁹ Протест на пустом месте // Коммерсантъ Самара. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3392242> (дата обращения: 13.01.2025).

в Пензенскую область на предприятия по производству цемента, которые работают на основе тех же технологий, что и предприятие в Ульяновской области, запланированное к строительству.

Обратим внимание на приведенные в СМИ цитаты тереньгульцев, посетивших завод: «Раньше мы верили на слово. Думали, от завода будет сплошной вред, что повсюду будет цемента по колено. А теперь видим, что нас обманывали», «люди боялись, потому что не видели», «в нашей делегации были восемь жителей Тереньгульского района – четверо изначально были за развитие и строительство завода, четверо – ярые противники.

К концу поездки практически все участники протеста изменили свое мнение», «Уверен, что нашим гражданам попросту не хватало информации о том, как в действительности выглядит современный цементный завод»¹⁰. Можно заметить, что в заявлениях акцентируется внимание именно на недостатке достоверной наглядной информации от авторитетных источников как главной причине конфликта между местными жителями и властями.

Ложный экологический конфликт, возникший в связи с гносеологическими трудностями. О.Л. Дубовик отмечает, что «выбор в сфере взаимодействия с природой ограничен уровнем человеческих знаний, которые в принципе недостаточны; их переоценка уже много раз приводила к неверным решениям, к выбору худшей модели снятия конфликта», а человечество в принципе не имеет «достаточных возможностей просчитать и предвидеть последствия того или иного решения конфликта» [3, с. 62]. Развивая эту мысль, можно утверждать, что гносеологические трудности сопровождают экологический конфликт уже на этапе осознания истинности предмета конфликта.

Так, например, недостаточная изученность того или иного продукта или технологии (особенно недавно изобретенных и внедренных в практику) может вызвать у общественности сомнения в их безопасности. Последствием станет повышение протестной активности и борьба за запрет этого продукта, которая может быть вполне результативной.

Однако спустя время может оказаться, что опасения общественности были преувеличены или вовсе необоснованы, и ложность предмета экологического конфликта будет выявлена позже только благодаря его ретроспективному анализу.

Так, например, в 1960-е гг. мысль об опасности пестицида ДДТ приобрела огромные масштабы в общественном сознании благодаря популярной работе Р. Карсон «Безмолвная весна». Книга изобилует художественными приемами, местами ей присущ экологический алармизм (преувеличенно негативное представление о влиянии какого-либо вида антропогенной деятельности на состояние окружающей среды), а ее основные положения не были подтверждены научными доказательствами.

Карсон, например, утверждала, что искусственные пестициды приведут к истреблению целых популяций птиц, практически на сто процентов и в течение жизни одного поколения уничтожат население планеты в результате эпидемии рака [7], чего не произошло спустя более 60 лет и не произойдет в ближайшей перспективе. Тем не менее, работа посеяла в общественном сознании панику, что привело к формированию масштабного движения против ДДТ и, наконец, к законодательному запрету этого вещества в США.

Впоследствии выяснилось, что вред от этой меры (в частности, возобновление вспышек малярии) превысил потенциальные угрозы пестицида. Позже стало возможным и вовсе назвать этот конфликт ложным, когда наука подтвердила, что дозы ДДТ, используемые в сельском хозяйстве, безопасны для здоровья человека и окружающей среды.

¹⁰ С ума посходили - 3. Тереньгульские «протестанты» изучают Меркурий // Новостной портал Ульяновска 73. online.ru. [Электронный ресурс]. URL: <https://m.73online.ru/readnews/52789> (дата обращения: 09.01.2025). Делегация из Ульяновской области осталась довольна посещением цементного завода в Китае // Mosaica.ru. Главные новости Ульяновска. [Электронный ресурс]. URL: <https://mosaica.ru/ru/ul/news/2017/07/04/delegatsiya-iz-ulyanovskoi-oblasti-ostalas-dovolna-poseshcheniem-tsementnogo-zavoda-v-kitae> (дата обращения: 09.01.2025). Лучше один раз увидеть // Тереньгульский район. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.terenga.ru/node/6738> (дата обращения 13.01.2025).

Ложный экологический конфликт как средство достижения политических целей.

Практика инициирования экологического конфликта (протеста), его организации и управления рассматривается некоторыми исследователями (например, Ежовым Д.А. [4], Шатиловым А.Б. [15], Петросянцем Д.В. [13]) как достаточно эффективная политическая технология, которая может быть направлена на дестабилизацию общественно-политической обстановки в стране, устранение конкурентов в политической борьбе и т.п. Сочетание таких факторов, как воздействие тревожных новостей в первую очередь на бессознательное, снижение порога критического восприятия информации, невозможность проверки на подлинность информации из сети Интернет, низкий уровень экологической культуры населения, создает благоприятную почву для возникновения экологического алармизма, который затем проходит процедуру канализирования – перенаправления массовой неудовлетворенности на конкретных лиц, явления, институты. Чаще всего объектами канализирования становятся недружественные страны, органы государственной власти, отдельные политические деятели. После этого можно эффективно организовать протестную мобилизацию населения.

Для выявления степени истинности экологического конфликта его необходимо анализировать с учетом текущих отношений сторон в политической сфере (например, стоит обратить внимание на возможное состояние латентного политического конфликта), сформировавшихся у сторон установок относительно друг друга (значительную роль здесь может играть историческая память, связанная с опытом вооруженных конфликтов), основных политических интересов сторон (причем не только основных, но и косвенных) в регионе.

В качестве примера можно привести протестную акцию экологического характера в Лачинском коридоре в 2022 г., которую обязательно нужно рассматривать в контексте вооруженной борьбы Армении и Азербайджана за Нагорный Карабах. Тогда единственная дорога, связывающая Нагорный Карабах с Арменией, дважды оказывалась заблокированной экологическими активистами из Азербайджана, протестующих против «экоотерроризма» в Нагорном Карабахе. Формальные требования протестующих – «пресечение незаконной эксплуатации армянами природных ресурсов Азербайджана и создание условий для работы группы по экологическому мониторингу»¹¹.

Однако журналисты, политические и общественные деятели указывают на практически полное отсутствие экологической протестной активности в Азербайджане за последние годы, что потенциально указывает на низкий уровень вовлеченности населения страны в экологическую проблематику.

Так, например, глава известной азербайджанской экологической организации «Экофронт» Д. Кара назвал протестующих «исполнителями заказного шоу» и «бессовестными оппортунистами», поскольку они не протестовали, когда «Министерство экологии и природных ресурсов выставляло на продажу леса, национальные парки, заповедник и когда все имущество министерства было вырыто бульдозерами»¹². Кроме того, можно обратить внимание на официальную поддержку протестующих властями Азербайджана и Турции.

Среди политических интересов, которые лежат в основе конфликта, может быть усиление давления на Армению со стороны Азербайджана с целью заставить ее пойти на уступки (например, в вопросах открытия Зангезурского коридора, делимитации границ, вывода армянских войск из Нагорного Карабаха и прекращения связей с ним), а также желание нанести урон репутации России как посредника в конфликте (блокада произошла именно в зоне присутствия российских миротворцев, и они обвиняются в неспособности обеспечить должную безопасность региона), исходящее от Турции, которая также имела амбиции ввести своих миротворцев в Нагорный Карабах, но не смогла это сделать. С такой точки зрения,

¹¹ В Карабахе нашлись протестные ископаемые // Коммерсантъ. 15.12. 2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5721539> (дата обращения: 13.01.2025).

¹² Кто такие азербайджанские “эко-активисты”, перекрывшие Лачинский коридор? / Новости из Армении – CivilNet. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.civilnet.am/ru/news/686093/кто-такие-азербайджанские-эко-активисты-перекрывшие-лачинский-коридор/> (дата обращения: 13.01.2025).

экологический конфликт в Лачинском коридоре является ложным и служит лишь прикрытием для реализации политических интересов азербайджанской стороны.

Ложный экологический конфликт как средство достижения экономических целей.

В условиях глобальных изменений климата и появления новых угроз экологической безопасности для экономической сферы общества стал довольно значимым феномен экологичности (производства, бренда, конкретного продукта и т.п.). Известно, что это эффективный маркетинговый инструмент, который позитивно влияет на восприятие потребителей, повышает их лояльность бренду и увеличивает вероятность покупки.

Так, экологическая повестка может служить реализации экономических интересов отдельных предпринимателей, компаний и даже государств. Одновременно с этим, как уже упоминалось ранее, экологическая повестка особенно чувствительна к фейкам, манипуляциям, новостях о конфликтах, которые быстро вызывают нужную инициатору реакцию общества. В этом контексте уместно рассмотреть споры вокруг запрета фреоновых холодильных установок.

Несмотря на то что гипотеза Роуланда-Молины, согласно которой главной причиной разрушения озонового слоя Земли являются хлорфторуглероды, используемые в качестве хладагентов и аэрозольных продуктов, оказалась несостоятельной, в свое время благодаря деятельности СМИ и последующему получению авторами гипотезы Нобелевской премии тезис об антропогенных причинах появления озоновых дыр быстро приобрел популярность в мировом сообществе и посеял экологический алармизм среди населения, вызвав стихийные кампании за запрет фреонов, хотя гипотеза так и не была доказана.

Однако на ее основе в 1987 году государствами-членами ООН был заключен Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой. Договор накладывал на стороны обязательства по сокращению производства, экспорта и импорта озоноразрушающих веществ и переводу промышленности на озонобезопасные технологии. Один из подходов к интерпретации этих событий предлагают российские ученые-физики Мазурин И.М., Королев А.Ф., Уткин Е.Ф. Они утверждают, что главными бенефициарами Монреальского протокола стали транснациональные компании-производители фреонов из США, Великобритании и Франции: «в целях передела и захвата рынков» они стали «продвигать через ООН идею запретить применение фреонов в мировом масштабе, пользуясь псевдоэкологической гипотезой в качестве инструмента мощного политического давления на другие государства и, в первую очередь на СССР — второй по объёму после США мировой экспортер ХФУ (хлорфторуглеродов¹³)».

Так, например, благодаря заключению Монреальского протокола крупнейшая в мире химическая корпорация «Дюпон» сумела избавиться от предприятий-конкурентов в остальных странах, фактически став лидером на мировом рынке нового поколения фреонов и наладив сбыт более дорогой и прибыльной продукции. Рынок хладагентов и холодильного оборудования России полностью перешел к иностранным транснациональным корпорациям, были закрыты многие заводы холодильного оборудования, утрачены рабочие места.

Так, Мазурин И.М., Королев А.Ф., Уткин Е.Ф. усматривают в этом конфликте элемент борьбы США за мировое экономическое господство и считают это утратой суверенитета России «в пользу глобализации, т.е. в пользу власти транснациональных корпораций» [9, с. 234]. С такой точки зрения, предмета экологического конфликта нет, он является лишь прикрытием для реализации экономических интересов отдельных субъектов.

Выводы

Проведенное исследование показало, что в настоящее время не существует единого подхода к пониманию сущности ложного экологического конфликта. Среди экспертов нет единой точки зрения на то, какие характеристики экологического конфликта обязательно указывают на его ложность. Между тем, на основе проведенного исследования в статье

¹³ Мазурин И.М., Королев А.Ф., Уткин Е.Ф. Монреальский протокол — эталон национального предательства // ИА Регнум. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/article/2161481> (дата обращения: 11.01.2025).

предпринята попытка представить авторское определение ложного экологического конфликта.

Сложность определения реальности объекта конфликтов подобного типа обусловлена ограниченным уровнем научных знаний и невозможностью познать истинные мотивы и цели субъектов конфликта.

Тем не менее, среди признаков ложного экологического конфликта исследователи единодушно выделяют неконструктивный характер конфликта, активное участие заинтересованных третьих лиц, высокий уровень политизированности возникающих на основе этого типа конфликта протеста, склонность к радикализму одной из сторон. В целом, можно отметить, что конечной целью ложных экологических конфликтов является воздействие на общественное мнение, для чего применяются разнообразные инструменты психологического воздействия, что, в свою очередь, способствует общей социально-политической дестабилизации на данной территории.

Представлена авторская классификация ложных экологических конфликтов по причинам их возникновения. Стоит отметить, что элементы данной классификации не являются взаимоисключающими: так, например, конфликт, вызванный недостатками в коммуникации между гражданским обществом и государством, вполне может быть связан с действиями третьих сторон, преследующих собственные политические интересы. Поэтому представленная классификация, скорее, представляет собой «идеальный тип», теоретическую модель, которая, тем не менее, может быть полезным инструментом для анализа реальных конфликтов и разработки стратегий их предотвращения и управления ими.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в изучении способов выявления, профилактики возникновения ложных экологических конфликтов и управления ими, в частности, с применением новейших технологий (например, искусственного интеллекта).

Литература

1. Гафуров С.З., Митина Д.А. Как Greenpeace, WWF¹⁴ и другие международные экологические организации подрывают развитие России. - Санкт-Петербург: Питер, 2021. - 320 с.
2. Демчук А.Л. Экологические конфликты в современной политике. Теоретические основы и национальные модели. - Москва: Изд-во Московского университета, 2020. - 287 с.
3. Дубовик О.Л. Экологическая конфликтология. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. - 280 с.
4. Ежов Д.А. Экологический протест в политико-технологическом измерении: систематизация методов // Власть. - 2019. - №5. - С. 34-37. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i5.6715>.
5. Жаров М.В., Михеев С.А., Рябов И.А. Экозащита и эконападение: политические экологи в России и мире. Технологии экологического противодействия реализации современных крупных инфраструктурных проектов в России. - Москва, 2018. - 88 с.
6. Зайцев А.К. Социальный конфликт. - Москва: Academia, 2000. - 464 с.
7. Карсон Р. Безмолвная весна. - Москва: Прогресс, 1965. - 216 с.
8. Козер Л. Функции социального конфликта / Пер. с англ. О.А. Назаровой; под общ. ред. Л.Г. Ионина. - Москва: Идея-Пресс, 2000. - 205 с.
9. Мазурин И.М., Королёв А.Ф., Уткин Е.Ф., Герасимов Р.Л. Глобальная природоохранная гипотеза, создавшая глобальный кризис в выборе хладагентов. Часть 2 // Пространство и Время. - 2015. - №4 (22). - С. 233-244.
10. Международные отношения и мировая политика: учебник для вузов / П. А. Цыганков [и др.]; под редакцией П. А. Цыганкова. - Москва: Юрайт, 2024. - 279 с.
11. Петров В.О. Экология наизнанку. Как работают международные экологические сообщества в России и за рубежом. - Москва: Эксмо, 2023. - 208 с.

¹⁴ * Greenpeace, WWF - организации, признанные нежелательными на территории РФ.

12. Петровская Л.А. О понятийной схеме социально-психологического анализа конфликта // Теоретико-методологические проблемы социальной психологии. - Москва: Издательство МГУ, 1977. - С. 126—143.
13. Петросянц Д.В. Анализ позитивного и негативного влияния экологических организаций на политические и экономические процессы в современной России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. - 2019. - №5. - С.113-119. DOI: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-5-113-119>.
14. Суздалева А.Л. Формирование экологического имиджа производственной организации и ее продукции. - Москва: ИД «ЭНЕРГИЯ», 2016. - 416 с.
15. Шатилов А.Б. Экология и политика: деструктивные аспекты идеологии экологизма и деятельности экологических организаций / Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019, №4. - С. 70-77. DOI: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-4-70-77>.
16. Borisoff D., Victor D. A. Conflict management: a communication skills approach. - Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1989. - 201 p.
17. Burgess H., Burgess G. Beyond the limits: Dispute resolution of intractable environmental conflicts // Mediating environmental conflicts: Theory and practice. / Eds. J.W. Blackburn, W.M. Bruce. - Westport, CT: Quorum books, 1995. - P. 101-120.
18. Deutsch M. The Resolution of Conflict: Constructive and Destructive Processes. - New Haven: Yale University Press, 1973. - 420 p.
19. Mediating environmental conflicts: Theory and practice / Eds. J.W. Blackburn, W.M. Bruce. - Westport: Quorum books, 1995. - 320 p.

References

1. Gafurov S.Z., Mitina D.A. Kak Greenpeace, WWF i drugie mezhdunarodnye ekologicheskie organizatsii podryvayut razvitie Rossii [How Greenpeace, WWF and other international environmental organizations are undermining Russia's development]. Saint Petersburg, Piter Publ, 2021. 320 p. (In Russian).
2. Demchuk A.L. Ekologicheskie konflikty v sovremennoy politike. Teoreticheskie osnovy i natsional'nye modeli [Environmental conflicts in modern politics. Theoretical foundations and national models]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta Publ., 2020. 287 p. (In Russian).
3. Dubovik O.L. Ekologicheskaya konfliktologiya [Environmental conflictology]. Moscow, Norma, INFRA-M Publ., 2024. 280 p. (In Russian).
4. Ezhov D.A. Ekologicheskii protest v politiko-tekhnologicheskom izmerenii: sistematizatsiya metodov [Environmental protest in the political and technological dimension: systematization of methods] // Vlast' [Vlast']. 2019, I. 5, pp. 34-37. DOI:<https://doi.org/10.31171/vlast.v27i5.6715> (In Russian).
5. Zharov M.V., Mikheev S.A., Ryabov I.A. Ekozashchita i ekonapadenie: politicheskie ekologi v Rossii i mire. Tekhnologii ekologicheskogo protivodeystviya realizatsii sovremennykh krupnykh infrastrukturykh proektov v Rossii [Eco-protection and eco-aggression: political environmentalists in Russia and the world. Technologies of environmental counteraction to the implementation of modern large-scale infrastructure projects in Russia]. Moscow, 2018. 88 p. (In Russian).
6. Zaytsev A.K. Sotsial'nyy konflikt [Social conflict]. Moscow, Academia Publ., 2000. 464 p. (In Russian).
7. Karson R. Bezmolvnaya vesna [Silent Spring]. Moscow, Progress Publ., 1965. 216 p. (In Russian).
8. Kozler L. Funktsii sotsial'nogo konflikta [Functions of social conflict]. Moscow, Ideya-Press Publ., 2000. 205 p. (In Russian).
9. Mazurin I.M., Korolev A.F., Utkin E.F., Gerasimov R.L. Global'naya prirodookhrannaya gipoteza, sozdavshaya global'nyy krizis v vybere khladagentov. Chast' 2 [A global environmental hypothesis that has created a global crisis in the choice of refrigerants. Part 2] // Prostranstvo i Vremya [Space and Time]. 2015, I. 4 (22), pp. 233-244. (In Russian).

10. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika: uchebnik dlya vuzov [International relations and world politics: a textbook for universities] / P. A. Tsygankov [i dr.]; pod redaktsiey P. A. Tsygankova [P. A. Tsygankov and others; edited by P. A. Tsygankov.]. Moscow, Yurayt Publ., 2024. 279 p. (In Russian).
11. Petrov V. O. Ekologiya naiznanku. Kak rabotayut mezhdunarodnye ekologicheskie soobshchestva v Rossii i za rubezhom [Ecology from the inside out. How international environmental communities work in Russia and abroad]. Moscow, Eksmo Publ., 2023. 208 p. (In Russian).
12. Petrovskaya L.A. O ponyatiynoy skheme sotsial'no-psikhologicheskogo analiza konflikta [On the conceptual scheme of socio-psychological analysis of conflict] // Teoretiko-metodologicheskie problemy sotsial'noy psikhologii [Theoretical and methodological problems of social psychology]. Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ., 1977, pp. 126—143. (In Russian).
13. Petrosyants D.V. Analiz pozitivnogo i negativnogo vliyaniya ekologicheskikh organizatsiy na politicheskie i ekonomicheskie protsessy v sovremennoy Rossii [Analysis of the positive and negative impact of environmental organizations on political and economic processes in modern Russia] // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta [Humanities. Bulletin of the Financial University]. 2019. I. 5, pp. 113-119. DOI: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-5-113-119>. (In Russian).
14. Suzdaleva A.L. Formirovanie ekologicheskogo imidzha proizvodstvennoy organizatsii i ee produktsii [Formation of the ecological image of the production organization and its products]. Moscow, ENERGIYA Publ., 2016. 416 p. (In Russian).
15. Shatilov A.B. Ekologiya i politika: destruktivnye aspekty ideologii ekologizma i deyatel'nosti ekologicheskikh organizatsiy [Ecology and politics: destructive aspects of the ideology of environmentalism and the activities of environmental organizations] // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta [Humanities. Bulletin of the Financial University]. 2019, I. 4, pp. 70-77. DOI: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-4-70-77>. (In Russian).
16. Borisoff D., Victor D. A. Conflict management: a communication skills approach. Englewood Cliffs, Prentice Hall, 1989. 201 p.
17. Burgess H., Burgess G. Beyond the limits: Dispute resolution of intractable environmental conflicts // Mediating environmental conflicts: Theory and practice. / Eds. J.W. Blackburn, W.M. Bruce. Westport, CT, Quorum books, 1995. P. 101-120.
18. Deutsch M. The Resolution of Conflict: Constructive and Destructive Processes. New Haven, Yale University Press, 1973. 420 p.
19. Mediating environmental conflicts: Theory and practice / Eds. J.W. Blackburn, W.M. Bruce. Westport, Quorum books, 1995. 320 p.